

УДК 72.03 "20" (477)

А. С. Хлюпина,
*аспірант Харківського національного
Університету строительства и архитектуры*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ УКРАИНЫ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ

Аннотация: в статье рассматривается ряд аспектов развития архитектуры Украины к. XX – нач. XXI вв.: влияние советского наследия, в первую очередь отечественного модернизма, и постсоветские тенденции, в т.ч. неоеклектики и китча, а также влияние новейших европейских течений на ведущих украинских архитекторов. В качестве основных проблем современной украинской архитектурной практики указаны тотальное заимствование европейских практик и отсутствие собственных теоретических разработок в данной области.

Ключевые слова: советский модернизм, современная архитектура Украины, архитектурный минимализм, экологическая архитектура.

Постановка проблемы. Рубеж 1990-х – 2000-х гг. подвел черту под архитектурной практикой советской эпохи и во весь рост поставил вопрос о содержании и значении советского наследия. Новые геокультурные, геополитические и геоэкономические тенденции кардинальным образом изменяют профессиональную ситуацию в украинской архитектуре и формируют будущее «архитектурной карты» Украины. В то время, как и в Европе, и в России одна за другой выходят публикации, посвященные анализу ситуации в архитектуре двух последних десятилетий, в отечественной теории этот период остается неисследованным.

Целью публикации является анализ условий, которые повлияли на развитие архитектурной мысли в Украине в постсоветский период, а также выявление новых тенденций, возникающих на современном этапе, и постановка связанных с этим теоретико-архитектурных проблем.

Результаты исследования. Несмотря на более чем 20 лет, прошедших после распада СССР и создания независимых государств на пространстве бывших советских республик, недавнее прошлое продолжает отзываться во всех сферах жизни, в том числе, в архитектурной практике. Кратко перечислим основные моменты, которые в советское время повлияли на ситуацию в практике и теории архитектуры и, так или иначе, отразились на развитии профессии архитектора постсоветском пространстве.

Государственные проектные организации создаются в СССР уже с середины 20-х годов XX века. Результаты такого реформирования оказались

двоякими. С одной стороны, развернувшееся массовое государственное строительство требовало множества специалистов, способных решать задачи индустриализации страны, с другой, творческая личность архитектора с течением времени все больше нивелировалась, он становился винтиком единого «народнохозяйственного» механизма. Безальтернативность ситуации стала очевидной на рубеже 1930-х гг., когда рядом правительственных постановлений была окончательно прекращена частная архитектурная практика. По словам М. Мееровича, с этого времени «проектное дело встраивается в единую всесоюзную формируемую иерархическую структуру административно-командного подчинения» [1].

Любые изменения в архитектурном деле теперь становились обязательными для всех участников проектно-строительного процесса, причем этот принцип всеобщности не отменяли никакие перемены во властных элитах. Так, когда хрущевским постановлением «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (1955 г.), была директивно осуждена архитектура так называемого «сталинского ампира», и был сломан механизм ее воспроизводства, возвращение архитектурной мысли вернулась на путь модернизма было таким же всеобщим и обязательным, как и отмененная идеология «освоения наследия».

Знаменательно, что возвращение советской архитектуры к догматике классического модернизма происходило на фоне общемирового кризиса модернистских идей, одним из явных свидетельств которого в 1959 году стало прекращение деятельности Международного конгресса современной архитектуры на заключительном XI конгрессе CIAM [2].

В Советском Союзе короткий период хрущевской «оттепели» открыл сложный и противоречивый процесс перемен в архитектурной теории, который проходил под преобладающим влиянием консервативных тенденций, доминировавших в официальной позднесоветской идеологии. Сохранению и нарастанию этого консерватизма в немалой степени способствовал т.н. «железный занавес» (который, надо сказать, после нач. 1960-х гг. уже никогда не был совершенно непроницаемым). Тем не менее, идеологическая цензура и, в еще большей степени, профессиональная самоцензура в архитектурном цехе сильно затрудняли и искажали проявления новых мировых тенденциями в отечественной архитектурной теории и практике.

До последнего времени это явление оценивалось, в т.ч. и в широком кругу отечественных теоретиков и критиков, как исключительно негативное. В последние годы отношение к архитектуре бренда «Soviet Modernism 1955-1991» стало меняться. Этот социальный и эстетический феномен активно обсуждают зарубежные архитекторы, публикуются исследования о позднесоветской

архитектуре [3], в работах послевоенных советских модернистов ищут незамеченные в свое время художественные качества и нереализованные творческие возможности.

Было бы совершенно ошибочным представлять дело так, что новейшая архитектура Запада открылась нашим зодчим только с началом «перестройки», когда в 1985 г. в СССР вышел перевод книги Ч. Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма» [4]. Напротив, в течение всего «послеоттепельного» периода знания о современных западных течениях регулярно доводились до советской профессиональной аудитории – благодаря, в т.ч., деятельности Всесоюзного НИИ теории архитектуры и градостроительства (ВНИИТАГ) и его киевского филиала, публикациям «Архитектуры СССР», приложения «Архитектура» к «Строительной газете», широкому распространению репринтного издания парижского журнала «L'Architecture d'aujourd'hui» («Архитектура сегодня»). Из работ А. В. Иконникова [5], А. В. Рябушина [6] и А. Н. Шукровой [7] и мн. др. Советским архитекторам были знакомы новые европейские и американские течения, такие как экологическая архитектура Сима Ван Дер Рина и Иан МакХага, традиционализм Леона и Робера Крие, Роберта Магури, различные течения позднего модернизма (футуристические проекты Поля Меймона и Паоло Солери, фантазии группы «Аркигрэм», необрутализм Элисон и Питера Смитсонов, структурализм Альдо ван Эйка и Луиса Кана, хай-тек Ренцо Пьяно и Ричарда Роджерса), неомодернизм Питера Эйзеймана, Рема Колхааса, Даниэля Либескинда, Захи Хадид и Бернарда Чуми, и мн. др.

Другое дело, что практическая реализация этих знаний была доступна лишь очень немногим из советских архитекторов. Это была либо т.н. «архитектура возможностей», когда в силу уникальной значимости проекта архитектор получал относительную свободу выбора выразительных средств, в учебном проектировании ведущих архитектурных вузов, либо, наконец, в сказочной реальности «бумажной архитектуры» [8].

В градостроительном проектировании публикации работ Кевина Линча [9], Джейн Джекобс [10], Роберты Грац, высокопрофессиональные урбан-социологические обзоры О. Н. Яницкого [11] и В. Л. Глазычева [1] никак не могли сказаться на продукции «второй волны» советского модернизма, включенной в долгосрочное народнохозяйственное планирование, в пятилетние планы и в комплексные целевые программы научно-технического прогресса в области индустриализации массовой жилой застройки. Единственной областью градостроительного проектирования, где знакомство с современными западными тенденциями могло принести существенные результаты, были развернувшиеся с начала 1970-х гг. исследования и экспериментально-проектные работы по реконструкции исторических городов.

К нач. 1980-х гг. отечественная архитектура накопила большой заряд практического опыта и систематического знания для реализации новых идей, однако после распада Советского Союза ситуация кардинально изменилась, и во многом изменилась к худшему. Появился частный заказчик со своими представлениями о красоте, несущими стихийный протест против обезличенной, «усредненной» массовой архитектуры советской эпохи и столь же стихийное предпочтение псевдоисторической красоты, переходящей откровенный китч, не имеющий ничего общего с постмодернистской иронией.

Только после выхода из хозяйственной и управленческой разрухи 1990-х, в обстановке строительного бума 2000-х гг., в архитектуре Украины наметились устойчивые тенденции овладения современной проектной методологией, современными строительными технологиями и реализации, в меру открывающихся возможностей, нового формального качества архитектурной продукции. Выставки, информационная свобода, достигаемая, в т.ч., благодаря интернет-ресурсам, участвовавшие международные контакты и поездки за границу понемногу расширяют область действия новых тенденций.

Строительный бум 2000-х гг. сопровождался потоком низкопробной коммерческой архитектуры. Но эта же волна девелоперской активности вывела на проектный рынок Украины пока немногочисленных, но успешных и авторитетных архитекторов, следующих различимым западным трендам. В эти же годы на них стала ориентироваться архитектурная молодежь. А. Т. Дольник в Днепропетровске последовательно реализовал ряд проектов в духе неорационализма Альдо Росси и постмодернизма Марио Ботта. В Киеве до сих пор уверенно доминируют тенденции неонисторизма, сформировавшиеся еще в 1990-е (Н. М. Демин, В. И. Ежов, В. П. Смирнов и др.). В Харькове как в общественном, так и в приватном проектировании стал модным концептуальный минимализм Олега Дроздова. Одна из последних работ Дроздова, реализованный проект «Платинум плаза» в Харькове, впервые представил Украину в «топ-100» европейских архитекторов [12]; в этом же томе был опубликован образец экоархитектуры другого харьковского дизайнера-минималиста Юрия Рынтюта (проект экологического отеля в окрестностях Днепропетровска).

В книге «Русская архитектура рубежа XX – XXI вв.» искусствовед и архитектурный критик Григорий Ревзин приводит фрагмент его дискуссии с Евгением Ассом, Андреем Боковым и Александром Скоканом. В ней, частности, прозвучал тезис о том, что «архитектор, – профессия интернациональная, важно не то, какое у него гражданство, а то, что он привнес в сегодняшнюю мировую архитектуру» [13]. Исходя из этой максимы, актуальная украинская архитектура выглядит довольно скромно. Даже в ярком

архитектурном наследии, оставленном А. Т. Дольником, сформировавшем во многом облик современного Днепропетровска, еда ли угадываются продолжения, сопоставимые с последними мировыми тенденциями. Европейские системы образной грамматики привлекательны для нового поколения украинских архитекторов и подчас удачно ими цитируются, однако вопрос о собственной специфике развития архитектуры в Украине остается открытым.

Выводы. Новая ситуация совершенно по-новому ставит одну из центральных для советской теории проблему о соотношении национального и интернационального в развитии архитектуры. Приходится констатировать отсутствие самого представления о «национальном» применительно к реалиям XXI века, а не к этнографическому прошлому. Ситуацию дополнительно запутывает упорно не складывающаяся система во взаимоотношениях «архитектор-заказчик». Свойственные поколению нуворишей, вполне наднациональные предпочтения эклектики и китча тормозят развитие современного архитектурного рынка в стране и необходимых для этого национальной архитектурной критики, теоретических и педагогических школ. Долговременной задачей видится формирование современной национальной архитектурной элиты, различимой и признаваемой на международном архитектурном рынке. Только выход на европейский и, шире, на мировой рынок архитектурных концепций и проектов, сможет изменить ситуацию и сформировать, наконец, «украинскую модель» современного архитектурного процесса.

Литература

1. Меерович М. Г. Государственная организация архитектурно-градостроительной деятельности в СССР (вопросы политической истории советского градостроительства)
[/https://www.google.com.ua/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&ved=0CCoQFjAA&url=http%3A%2F%2Farchi.ru%2Ffiles%2Ffiles_uploaded%2F386.doc&ei=TjRxUuyrH8SKtAbi-C4Cw&usg=AFQjCNHcsouuL-EJzY0Js5czQrqf9HLpMw&bvm=bv.55617003,d.bGE](https://www.google.com.ua/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&ved=0CCoQFjAA&url=http%3A%2F%2Farchi.ru%2Ffiles%2Ffiles_uploaded%2F386.doc&ei=TjRxUuyrH8SKtAbi-C4Cw&usg=AFQjCNHcsouuL-EJzY0Js5czQrqf9HLpMw&bvm=bv.55617003,d.bGE)
2. Глазычев В. Л. Социально—экологическая интерпретация городской среды. — М.: Наука, 1984. — 180 с.
3. Soviet Modernism 1955-1991. — The vienna centre of architecture, 2012.
4. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. — М.: Стройиздат, 1985. — 136 с.
5. Иконников А. В. Зарубежная архитектура: От "новой архитектуры" до постмодернизма. — М.: Стройиздат, 1982. — 255 с.

6. Рябушин А. В., Шукурова А. Н. Творческие противоречия в новейшей архитектуре Запада. ЦНИИ истории и теории архитектуры. – М.: Стройиздат, 1986.
7. 1986 Шукурова А.Н. Архитектура Запада и мир искусства XX века. — М.: Стройиздат, 1989. – 318 с.
8. Раппапорт А. Г. Еще раз о Бумажной архитектуре. 2013. http://www.snob.ru/profile/27014/blog/61373#comment_616768
9. Кевин Линч. Образ города. — М.: Стройиздат, 1982.
10. Jane Jacobs. The Death and Life of Great American Cities. — New York: Random House, 1961. – 151 p.
11. Яницкий О. Н. Современная урбанизация и социальные противоречия капитализма. – М.: Прогресс, 1982. – 362 с.
12. The Phaidon Atlas of 21st Century World Architecture Travel Edition. — Phaidon Press, 2011. – 438 pp.
13. Ревзин Г. Великолепная двадцатка: архитектура Москвы и зачем она была. — Strelka Press, 2013. – 21с.

Анотація

У статті розглядається низка аспектів розвитку архітектури України к. XX – поч. XXI ст.: вплив радянської спадщини, у першу чергу вітчизняного модернізму, і пострадянські тенденції, у т.ч. неоеклектики і кітчу, а також вплив новітніх європейських течій на провідних українських архітекторів. В якості основних проблем сучасної української архітектурної практики вказані тотальне запозичення європейських практик і відсутність власних теоретичних розробок у даній області.

Ключові слова: радянський модернізм, сучасна архітектура України, архітектурний мінімалізм, екологічна архітектура.

Abstract

The article considers some aspects of the development of architecture in Ukraine since late XX till early XXI centuries: influence of the Soviet heritage, primarily of the domestic modernism and post-Soviet tendencies, including neoelecticism and kitsch, and the impact of the latest European trends on the leading Ukrainian architects. As the main problems of the modern Ukrainian architectural practice the total borrowing of European practices and the lack of own theoretical concepts in this field are noted.

Keywords: Soviet modernism, modern architecture of Ukraine, architectural minimalism, ecological architecture.